

A person wearing a grey sweater and blue jeans is holding a large, dark red, oval-shaped frame in front of their face. The frame is held by both hands, and the person's face is completely obscured by it. Inside the frame, the text "АНТОН КАЛЮСКИЙ" is written in black, and "SELFIE" is written in large, bold, red letters.

АНТОН КАЛЮСКИЙ
SELFIE

АНТОН КАЛЮСКИЙ

Selfie

«Accent Graphics communications»

2014

Калюский А.

Selfie / А. Калюский — «Accent Graphics communications», 2014

SELFIE – это дебютная повесть, написанная автором в одноимённом экспериментальном жанре. Новый жанр SELFIE – это околореальное описание случайных эпизодов из современной жизни внебрачной молодёжи в возрасте от 20 до 30 лет, сплетённых незамысловатым сюжетом с подробным изложением от первого лица мыслей и переживаний героев на основе тонкого ситуационного психоанализа, выдержанное с должным балансом юмора и философского подтекста событий. Максим – успешный работник рекламного агентства. Яркий, креативный и невероятно талантливый парень с утончённым чувством юмора, умеющий эффективно работать и эффектно тусоваться в компании своих друзей. Динара – молодая сотрудница юридической фирмы. Красивая, интеллигентная, образованная девушка с бесконечным стремлением к саморазвитию и природной склонностью к рассудительному анализу. Максима и Динару, живущих в выдуманном авторе несуществующем городе России, сводит проектная работа на одну из фирм – лидера рынка молочной продукции Красноярского края, куда они отправляются с целью заработать и получить профессиональное развитие. Но ожидания от командировки встретили как приятные вспышки в работе, так и неплановые обстоятельства, которые вынудили героев скорректировать оценку происходящих событий...

© Калюский А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

I	5
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Антон Калюский

Selfie / Селфи

Дебютная повесть в новом одноимённом авторском жанре

I

«Три!» «Два!» «Один!» Не слыша более ничего, кроме отзвуков сигнального пистолета, перебитых лишь криком моей радости на финише, бежал против лучших атлетов мира, упорно противясь сопровождающей усилия нарастающей боли в мышцах. Хотелось уже было орать от боли, но страх сбить дыхание сохранял концентрацию на дистанции. И радость! Вот она – долгожданная радость, осознанная лишь в то скорое мгновение, когда другие спортсмены на финише стали подходить со сдержанными от отчаяния поздравлениями. «Олимпийский рекорд и звание лучшего спринтера в мире» – это лишь слова, которые я услышал от бравших у меня интервью многочисленных репортёров. Сам я понимал, что закончился какой-то необычайно тяжкий путь, наполненный обилием бесконечных преодолений, которые не отпустить одним днём.

Было темно. Перевернувшись в кровати и поняв, что это был сон, я отпустил наивную улыбку и принял лёгкую радость, которая пришла ко мне с осознанием, что ночь ещё впереди и можно дальше попытаться поспать и насладиться столь приятными яркими сновидениями. Светлело... Теперь не понятно, почему вдруг стало настолько светло, когда глаза были открыты в очередной раз. Непривычно светло для этого времени года, середина октября всё-таки. Успокоив себя тем, что проспав работу мне не суждено (вспомнив установленный ещё с воскресенья на 8-00 будильник), я попробовал свернуться в скомканное от бесконечных переворотов одеяло и вернуться в мир сновидений, но всё же рука сама потянулась за лежавшим недалеко от кровати телефоном, чтобы проверить время. «8.43». О, нет! Может суббота?! Если суббота, то почему-то не вспоминается традиционно хмельная пятница... Будильник?! Проверив по непонятным причинам выключенный на 8-00 будильник, я понял, что думать уже поздно и вставать нужно так же быстро, минуя лень, как я рвался к олимпийскому финишу, минуя мышечную боль. Три... Два... Один... И я уже сидел на кухне в непросохшей после вечерней стирки майке, одев которую я думал, что сдержу лёгкий утренний телесный зной от недосыпа. Поняв, что чувство спешки притупляет уже даже инстинкт голода, я просто взял свою огромную кружку с кофе и пошёл в комнату здороваться с оставленным открытым с ночи и желающим подзарядки не меньше, чем я от кофе, ноутбуком.

Рунет изобилует новостями. Успев пролистать только спортивный портал в поисках результатов прошедших в ночь на четверг матчей Лиги чемпионов, я всё же не стал испытывать терпение начальства и следующую минуту встретил закрывая дверь квартиры, установленную в воскресенье дядей Гошей, который за четыре неполных часа её установки успел выпить не меньше число стаканов так любимого им «настоя Пачевника», как он гордо назвал смесь пакетированного чёрного чая с пару десятками капель какого-то бальзама, носящего, признаюсь, вполне приятный аромат, но из-за бесконечно грязной бутылки, из которой дядя Гоша, бывало, слизывал его, так и не опробованного мной. За дверью мне пришлось встретить не только следующую минуту, но и вторую, и третью, потому как дядя Гоша, жадно нанятый мной по объявлению с нижних рядов рекламной колонки по хозяйственным услугам, так и не смог должным образом проинсталлировать замок.

Было непросто. Было непросто отвязаться от диалога с соседкой Томой, вечно никуда неспешащей Томой, которая назло судьбе моей решила провести сеанс солярия в то самое время, когда все цивилизованные люди спешат на работу. А непросто мне было, потому что автомобиль Тома стоял рядом с моим, и по причине моей безграничной вежливости те пять-семь минут, которые я в это время года стабильно прогреваю свой автомобиль, мне пришлось провести в её обществе. Пять-семь минут. Когда ты проводишь эти минуты, слушая, как разминается твой двигатель, даже и не подумаешь, что за это время можно услышать пять-семь сотен слов, по прошествии которых ты потом всю дорогу до работы будешь пытаться вспомнить хотя бы пять-семь логичных умозречений из всего их обилия.

«09–34». По первому инстинктивному порыву это время казалось временем, когда зафиксировали мою смерть. Наконец, мне посчастливилось разглядеть эти дешевые на вид часы моей начальницы, когда она демонстративно показала мне на них это значащее с виду что-то особенное время. Пока я наслаждался неожиданно интересным дизайном «Jaeger-LeCoultre», она, с трудом удерживая непривычную ей суровость в голосе, пыталась донести до меня, что такие ничтожные по уровню самоорганизации люди, как я, тормозят развитие всего прогрессивного делового мира, к которому, судя по резкому повышению тональности её голоса, она себя и причисляла. Я молчал. Молчал я на твёрдом осознании того, что воспитательный «инстинкт матушки» вскоре покинет сознание Марии Сергеевны, и мы вернёмся к привычной для нас несколько шутиливой манере разговора. Но моему молчанию суждено было затянуться – сегодня это была не та Мария Сергеевна. Спас меня только Виталик – любимец Марии Сергеевны, именно тот знатный Виталий Стацкий, который подарил весной нашей скудной, бесконечно находящейся в статусе «развивающаяся» компании многомиллионный контракт на продвижение в восточной части России знаменитой за её пределами индийской марки лекарственных и косметических средств для женщин, спонсируемой каким-то индийским долларовым миллиардером. Виталику удалось не только самому выйти на приближенных к этому миллиардеру лиц, но и «продать им Россию», как регион, потенциально множащий двукратно охват их клиентов (Индия – вторая по численности населения страна мира с долей женского населения равной 48,5 %. И среди всего многочисленного женского народа Индии продукцией этой марки пользовались по разным данным от 11 до 13 процентов человек). Виталик умудрился завоевать у Марии Сергеевны такой культовый авторитет, что при появлении его в нашем офисе (а появлялся он отныне как раз в 09–34 минимум) она готова была бросить не только любое сопутствующее этим минутам дело, но и личную свою гордость, приветственно его обнимая на глазах у всего коллектива. Возможно, в её понимании этот акт должен был мотивировать других сотрудников стремиться к такой её демонстративной признательности, но выглядело это настолько нелепо, что даже вид самого Виталика порой, казалось, выражал некоторое сожаление последствием его триумфа.

Одиннадцатичасовая планёрка в отделе прошла на редкость скоротечно. После очередной хвалебной речи в адрес Виталика, подтверждённой статистическим срезом по уровню развития компании в уходящем году, Мария Сергеевна любезно раздала нам «домашнее задание» – так она любит назвать ту работу, которую она даёт в день, приближенный к выходным, в ожидании, что в понедельник все идейные решения по причине обилия свободного времени на их реализацию неизбежно должны быть найдены. Моим «домашним заданием» была разработка бренда и базовой концепции горького шоколада тульской кондитерской фабрики, так активно рвущейся на борьбу в западной части России с известными всему миру европейскими шоколадными легендами. Тульские «высочки» гордо рассчитывают занять в ближайшие два года от 7 до 12 процентов столь перспективного, по их мнению, московского рынка горького шоколада. Не став терять время, захватив пробные батончики того самого шоколада и налив чашку какого-то марокканского кофе, любезно подаренного Марией Сергеевной Алёнке, бывшей до Виталика её любимицей, я уединился в неожиданно оказавшемся пустым кабинете.

Алёнка, кстати, долго пыталась найти смысл в подарке Марии Сергеевны на день долгожданной сдачи ей экзамена на водительские права, но, так и не поняв этот смысл, щедро выставила этот кофейный изыск в офисном буфете. Теперь уже Мария Сергеевна искала смысл в столь необычном проявлении Алёнкой благодарности её подарку. Уж непонятно что было для меня более горьким: марокканское кофе, тульский шоколад или расстройство тем, что Алёнке досталось задание по разработке сезонной рекламной кампании столь любимой мной сети зимних спортивно-развлекательных парков «Freezzze Park», но работа, есть работа и не мне, опоздавшему на неё, сетовать на несправедливость обстоятельств. А сладость всем этим горьким с виду минутам добавляло лишь осознание наступающих вскоре выходных.

«Горький шоколад», – произнёс я вслух, желая поймать ассоциативную линию... «С пониженным содержанием жира», «тёмный», «твёрдый», «невредный», «какао», «чёрный»... Кто любит шоколад? Сладкоежки. За что любят шоколад сладкоежки? За то, что он сладкий. За что любят горький шоколад? За то, что он не сладкий... Несладкий, значит, не для сладкоежек. С чем ассоциируется слово «сладкоежка»? Толстая, фанатично поглощающая булки и конфеты женщина или какая-нибудь девочка с шоколадным батончиком и умазанным от него ртом... «Любовь к сладкому»... Ассоциации: любитель вредного, человек, не имеющий воли сдерживать свои желания. «Горький шоколад – не для сладкоежек»... Хм... Неплохой слоган. Действительно, горький шоколад – отражение сдержанности к сладкому, серьёзности и некой внутренней дисциплины. Естественно, все эти ассоциации не прямые, а приходящие к осознанию лишь как полярные образу типичного сладкоежки, но опереться на этот образ уже можно. Кто является отражением образа серьёзности? Военный – строго... Бизнесмен – не прямая ассоциация... Политик – можно... Начальник – близко... Президент – идеально! Горький шоколад «Президент»... Достаточно смело, но вроде звучит, – бормотал я про себя, глядя в окно, нервно прокручивая в руке чей-то источенный карандаш и не заметив, как мои коллеги зашли в кабинет и ринулись перебирать дружно залежавшиеся со дня переезда документы, опробовав перед этим лежащую уже вдали от меня плитку того самого пробного шоколада, который мне так полюбился благодаря обилию приходящих с его образом ассоциаций. Стараясь не отвлекаться на несвязный шорох моих коллег, пытающихся, судя по всему, переждать творческий кризис за бумажной работой, я продолжил свои размышления. Шоколад «Президент» – президентский шоколад. С чем ассоциируется слово «Президентский»? «Президентский люкс», «Президентская премия», «Президентский указ» – что-то авторитетное, дорогое и лучшее в своём роде... Подарочный шоколад в шикарной упаковке, этакий бизнес-подарок к бутылке коньяка. Одно не прикладывается к столь удачно формирующемуся образу – Тульская кондитерская фабрика. С другой стороны, лучшее сомнений не вызывает, а завоевать в сознании людских масс образ лучшего можно либо доказав превосходство перед аналогичными, либо став первым. Значит, придётся стать первым. Первым шоколадом «не для сладкоежек».

Теперь уже жертвой опозданий пришлось стать мне. Разминка в тренажёрном зале, то и дело прерывавшаяся на прочтение оправдательных СМС сообщений от Олега с примерным текстом: «Уже скоро. Подъезжаю», «Подъезжаю скоро», «Подъезжаю», как бы демонстрировавших мне по мере сокращения их содержания степень дистанционной приближенности Олега к спортзалу, занимала уже более сорока минут вместо обычных пятнадцати. Увиденный мной во время показа в спортзале новостных роликов лик нашего президента лишь усилил серьёзность моих намерений по ассоциации с ним моего горького «домашнего задания». Так и не понял, рад ли я тому, что наконец-то появилась возможность приступить к основной части тренировки, или я так неожиданно рад был увидеть Олега, но злиться на акт его опоздания даже как-то и не хотелось. Особую мягкость моему характеру придавала милая девушка в гантельном секторе зала, лицо которой мне так и не удавалось разглядеть, но одно было очевидным – это её шикарная спортивная с необходимой долей грациозности фигура и пронзительный взгляд, который я то и дело старался подсознательно притягивать на себя, когда она бегло

смотрела в мой сектор зала. Кофе, чай, энергетики, установка тренера, злость... Нет. Нет лучше мотиватора на тренировке, чем девушка приятной внешности, оказавшаяся рядом с тобой в зале и её взгляда в твою сторону, особенно усиливающего свой энергетический эффект, если тебе удаётся поймать его в момент выполнения тобой упражнений... Природа, что говорить.

– Три! Два! Один!.. Разряд! Ещё! Он очнулся!

Слепило... Поперёк направленного на меня сверху светового прожектора мелькали белые, не многим более различимые мной медицинские халаты и какие-то металлические приборы, которые, отражая свет, ещё более меня ослепляли. «Спасён!» Радость в голосе произнёсшего это человека, перемешанная с чувством непонимания смыслового контекста сказанного, создавала находящее обессиленное бешенство. Слёзы... То ли от прожигающего мозг света, то ли от неожиданности и эмоциональной тревожности происходящего.

– Где я?

– Не говори, не напрягайся, всё хорошо, – услышав это в ответ от одного из людей в халатах, я понял, что ответы мне нужно искать в себе. Боль. Осознав приходящую боль в левой ноге, я понял, что эта была единственная нога, пусть болевое, но всё же ощущение которой мне удалось почувствовать. Правой ногой мне как-либо пошевелить не удалось. Авария... Грузовик... Какая-то девочка... Меня успокоило бы, признав я приходящие мысли бредом, но всё больше понимал я, что это были вспышки моей памяти.

Было темно. Открыв слегка залитые слезами глаза и увидев горящий за окном тот привычный для моего взгляда фонарь, освещающий в ночное время улицу, на которой я жил, я понял, что больше не сплю. Вытерев со лба холодный пот и пошевелив правой ногой, я получил, наконец, важное для меня в тот миг успокоение. 6-46 утра. То остаточное чувство тревоги, перемешанное с сонной мутностью моего сознания, не давало окончательно прочувствовать ясность разума. Лежащее положение вызывало ассоциацию с предшествовавшим сновидением, поэтому я решил встать с кровати. Подойдя к окну и увидев абсолютное дорожное спокойствие, перебиваемое иногда лишь столь приятным мне в ту минуту лаем бесхозной собаки, как бы разбавляющим чувство моего одиночества, я, наконец, отвлёкся. Приняв душ и насладившись столь важным для меня его теплом, я направился на кухню, где разогрел отложенные на завтрак с вечера куски любимой пиццы с морепродуктами и встретил первый блик скромного октябрьского утреннего света на слегка запылённом окне.

Очередная пятница в офисе выдалась какой-то заметно игровой. Особое настроение ей придал день рождения Ани – офис-менеджера, знаменитой в компании тем, что работает она в ней уже семь месяцев. Собственно, Анютка – первый офис-менеджер в почти пятилетней истории компании, которой удалось продержаться больше четырёх месяцев. День её трудоустройства, начиная с пятого месяца, в офисе знают все, и каждый месяц отмечается в узком кругу, как альтернативный день её рождения. Познав на пятом месяце свою славу, Анютка стала на редкость мотивированной и жаждущей постижения новых рекордов. Собравшись в 10–00 в столовой, все дружно поздравили нашего легендарного офис-менеджера, угостились приятным на вкус шампанским, поделили столь небольшое по итогу количество каких-то экспериментальных бутербродов, собранных из традиционных сыра и колбасы и вполне удачно оказавшихся на них кусочков банана и взялись завершать свои скопившиеся за неделю рабочие дела.

С чувством некоторой гордости заблаговременным выполнением большей доли моего «домашнего задания» я принялся заниматься завершающим его оформлением упаковки. Идейный концепт был установлен, но оставалось ещё определить базовые цвета для визуального исполнения. Вспоминая ключевые идеи для определения образа шоколада, я немного расслабился и начал ловить ассоциации. «Серьёзный», «дорогой», «подарочный». Рождалось что-то в сочетании чёрного и золотого. На самом деле, золотой цвет был пока единственным, ассоциируемым у меня со словом «дорогой». Как-то консервативно получается... Хотя быть

может богатство идейности искать не стоит и ключ в очевидной простоте... Тревожило осознание, что создаётся какой-то образ исключительно мужского подарка, что забирает у меня долю женской аудитории. С другой стороны, шоколад он сам по себе мужского рода и приращение ему «неженской» серьёзности лишь подчёркивает его статность. Тем более что многих женщин невольно тянет к чему-то исконно мужскому, слегка грубому, придающему их образу некую деловую зрелость.

Опасаясь забыть все идеи в предстоящие выходные, я тезисно фиксировал их в свой блокнот. Заблудиться в своих мыслях вообще очень просто, находясь в нашем кабинете. Творческий коллектив – организм особенный. Можно наблюдать стойкое многочасовое молчание в период индивидуальной концентрации работников, но если голову кому-то вдруг простреливает какая-то гениальная идея, и ему её захочется с кем-то обсудить, то человек этот может сопровождать тебя даже после работы до входной двери твоего дома, притом что идею эту вы начали обсуждать ещё в дообеденное время. Особенно славится яркой демонстрацией приходящих идей Алёнка, которая то и дело подпрыгивает над монитором, когда космос посылает ей очередной идейный лучик. Но в случае с Алёнкой меня обычно пронесит. А достается, как правило, Павлу – стажёру, который, вероятно, до конца года обременён быть соседом Алёнки, так как оставшиеся стажёры распределены были по другим сотрудникам ещё до момента его пришествия. Сובлазн поделиться идеей действительно феномен интересный. Иной раз гениальные на первый взгляд идеи ты рискуешь передержать в голове, так и не получив объективную оценку возможной их бредовости. С другой стороны, что значит мнение кого-то, когда есть искренняя вера в силу твоей идеи? Не могу определённо считать это своей сильной стороной, но в таких ситуациях я всё же склонен поддерживать некую внутреннюю дисциплину и строго ограничивать список своих профессиональных собеседников наиболее мне авторитетными. Зато вне моего рабочего коллектива эту роль очень удачно выполняет Олег. Он не обладает теоретическими знаниями о рекламном продвижении продуктов, отчасти мешающими ясному восприятию по-настоящему гениальных идей. Он вообще, прямо сказать, ничего не знает о рекламе, кроме того, что доношу до него я, но особенность Олега для меня в том, что он всегда честен со мной. Если какая-то идея ему нравится, что бывает достаточно редко, то это даёт мне дополнительную уверенность и, как правило, что придаёт оценкам Олега особую мистичность, идея оказывается действительно купленной клиентами. А если он, как это собственно обычно и бывает, высказывает мне своё презрительное отрицание, то в моём сознании всегда очень успешно открываются порталы для поиска альтернативных идейных подходов. И дело тут даже не в самом Олеге. Ведь лучшее – это либо первое, либо превосходящее в чём-то аналогичное. И если тебе не удалось придумать что-то уникальное, то необходимо придумать несколько идей и выбрать лучшую из них.

Вечер пятницы заманил нас в «Правский двор» – душевный пивной ресторанчик с собственной пивоварней и прекрасной кухней. Особо популярным это заведение было по причине его территориальной близости к ночным клубам, которые мы с друзьями любили посещать. Бесконечно опаздывающий Олег явился с Борисом – нашим общим другом, вечно помогающим нам с Олегом познать пределы нашей дружеской жертвенности, затягивая нас в различные неприятности. Следом за Борькой зашла какая-то невиданная мной ранее девица, которая с трудом была мной замечена за стойкой администратора у входа по причине своего жалобно низкого роста. Разглядев эту «куколку» поближе, я был удивлён органичному сочетанию прелестной утончённости контуров её лица, мягких выпуклых губ и аккуратных веснушек, смягчающих некоторую выраженную строгость её взгляда. Олеся, как впоследствии представил её Борис, оказалась его коллегой. Было странным со стороны Бориса взять свою коллегу на нашу пивную встречу, поэтому мне сразу стало ясно, что вряд ли между ними проносятся только лишь рабочие отношения. Борис, при всей своей видимой легкомысленности, достаточно избирательно подпускает к себе близко новых людей и не имеет привычки знакомить его редких

пассий со своими друзьями, поэтому Олесе мои домыслы прибавили дополнительные баллы. Душевные разговоры, облегченные столь приятными хмельными нотками местного тёмного пива, достаточно быстро включили в нашем сознании «режим выходного дня». Некоторую неловкость нашим шумным разговорам придавало лишь Борькино молчание, на которое обратила внимание и отметила этот момент милой шуткой официантка, которой, к слову, в нашей компании это было позволительно. Борьку официантка Лиля знала давно, и ей не раз приходилось терпеливо выслушивать его хмельные исповеди. Пусть Борька и действительно не подпускал к себе близко новых людей, но душевно побеседовать с каким-то случайным прохожим после пары кружек пива было для него горячо любимым занятием. А слушать Лилька умела. Кстати, той удачной шуткой, которую очень вовремя бросила Лиля, была её лёгкая насмешка тем, что Борька так покладисто соглашался с заказами Олеси, которые она, не скромничая, делала и за него, и за себя. Пусть всё же, несколько застенчившись тогда, Борьке удалось отшутиться и, наконец, включиться в наш разговор. Разговор этот стал похож на лай диких собак, когда я, возвращаясь с туалетной комнаты, понял, как громко мы шумели. Разбавить наш хор удалось лишь Раме, который присоединился к нам на третьем часу нашей встречи. Прибытие Рамы, как мы дружественно звали Рамиса Бабаяна – нашего армянского друга, всегда можно было заметить по резкой собранности незнающей его мужской части заведения, представители которой, видя его, резко сдают в своей уверенности. Рамис не то чтобы был каким-то громилой или напоминал бандита, с кем часто ассоциируются в нашей стране представители Кавказа, просто его жёсткий образ в сочетании с неповторимой убийственной выразительностью его взгляда и твёрдостью движений заставлял людей на миг задерживать дыхание, что создавало всегда нарастающее временное молчание в местах, куда он являлся. Такое же неожиданное и непривычное нам молчание мы заметили при виде Рамы в поведении Олеси, которая, к слову, была самым активным собеседником этим вечером. Пивом Рамиса заманить было невозможно, собственно, также невозможно было отказывать поступающим от него предложениям. А предложил он перебраться в «Лайки» – ночной клуб, славящийся своим шикарным интерьером с преобладающим в нём кровно-красным оттенком и одноимённым стрип-шоу, традиционно проходящим ровно в полночь, на которое с армейской пунктуальностью так любил приходить Рамис. Рассчитавшись за ужин и договорившись с Лилей о встрече в «Лайках» после завершения её смены, мы с нескрываемым чувством благодарности покинули «Пражский».

Бутылка «Jack Daniels», фрукты и кальян, заряженный уже каким-то пряно-мятным табаком и гранатовым соком – всё это, изящно сервированное на невысоком столе, окружённом шикарным кожаным диваном, в элит-зале клуба, куда провёл нас Рамис, заставило нас быстро забыть про пивной галдёж. Теперь уже, признав в себе некоторое чувства долга перед Рамисом, замолчали все. Когда Рама объяснил всё происходящее покупкой нового автомобиля, все дружно приняли его торжественную щедрость и без лишнего стеснения принялись погружаться в удачно созданную им атмосферу.

Пропустив стаканчик виски, сопровождавший просмотр полуночного стрип-шоу, я и не заметил, как компанию нашу пополнили новые незнакомые мне люди. Отлучившись от всех на некоторое время, чтобы встретить Лилю с подругой, я вернулся в элит-зал. Всегда удивлялся бесконечной энергии Лили, которая, отбегав десять часов на работе, умудрялась выходить с неё столь же бодрой с виду, как я после трёх кружек полюбившегося мне крепкого марокканского кофе, ещё и эффектно танцевать после этого в клубе.

Незнакомые мне два парня и девушка показались очень весёлыми. Новая девушка сразу нашла общий язык с Лилькой, когда разглядела у неё кольцо с цитрином в редкой по её словам огранке, обозначенная уникальность которой впоследствии удивила даже Лилю. Обоих парней звали Алексеями. С ними мы быстро наладили контакт, когда обсудили, прошедшее стрип-шоу. Алексей, который, кстати, акцентировано продиктовал своё имя при знакомстве в полной его форме, тогда как второй попросил назвать его Лёха, следуя его словам, был в своё время

дважды финалистом чемпионата России по вольной борьбе. Судя по тому, что это была единственная из обозначенных им заслуг, чемпионом ему стать так и не удалось. В окружении Рамы постоянно были спортсмены, поэтому я легко научился поддерживать разговор с представителями разных спортивных дисциплин, тогда как сам кроме бокса и футбола я особо ни в чём не разбирался. Олег, Алексей и я были уже достаточно пьяны, поэтому в танцах пробовать себя так и не стали. Зато дружно обсудили субботний выезд на базу отдыха в сосновом бору, куда нас гостеприимно позвал Алексей. Переборов лёгкий секундный дрём после достаточного уже, вероятно, для меня количества выпитого виски, я пошёл искать на танцполе Лильку. Сделав для устрашения несколько серьёзный вид, который так с трудом мне давался, учитывая моё состояние, я принялся разглядывать наших девочек среди других танцующих, ожидая, что мне придётся отбивать их от пристающих к ним каких-нибудь упитых придурков. Но мне было суждено успокоиться. Девочки наши, действительно привлекающие своей яркостью внимание всех стоящих в округе парней, танцевали рядом с Рамой. Это был далеко не первый раз, когда я видел Рамиса танцующим, но каждый такой раз я удивляюсь его умению беззаботно расслабляться, сохраняя при этом свою серьёзность. Попробовав лениво потанцевать с ними, я всё же не стал забирать у себя последние силы и, пригласив с собой Лилу, пошёл наверх. Глядя в уже несколько уставшие глаза Лили, было интересно понять, была ли она настолько пьяна или всё же её, наконец, покинули, казалось бесконечные, силы. Не став увлекаться догадками, я предложил ей уехать. Лили была не против.

Бутылка «Jack Daniels», фрукты и кальян, заряженный уже каким-то пряно-мятным табаком и гранатовым соком – то, что ждало нас в элит-зоне «Лайков», а дома нас с Лилей ждали лишь пару бутылок пива на окне и остатки роллов в холодильнике, ещё более скрученные от давности их хранения в нём. Хорошо, что как-то думать о еде нам не пришлось. Остатка сил Лили хватило только лишь на то, чтобы добраться до кровати. До кровати, на которой к моменту её прибытия к ней уже мёртво спал я.

Утро, а если быть точным, момент нашего пробуждения, отмеченный в 14–20, начался со звонка мобильного телефона. Неизвестный мне номер задержал мой взгляд примерно до седьмого гудка, когда я окончательно понял, что кто-то твёрдо хочет меня услышать.

– Алло. Максим, здорово. Это Алексей.

– Привет! – сказал я, выдержав некоторую паузу, безуспешно пытаясь сопоставить незнакомый мне голос с достаточно популярным именем.

– Алексей – друг Рамиса. Вчера в «Лайках» в випке вместе сидели. Забыл?

– Ах... Алексей. Привет. Помню, удивился просто. Я тебе разве оставлял номер?

– Не, я у Рамиса взял. Чё звоню-то... Вчера помнишь про базу отдыха говорили. Поедешь?

В этот момент я, действительно вспомнив и Алексея, и разговоры про базу, начал прокручивать фрагменты вчерашнего вечера. Вспомнив Лилу и повернувшись, чтобы посмотреть, не сбежала ли она, я понял, что даже элементарные движения в кровати для меня даются сейчас непросто...

– Алексей, как тебе сказать... Не то чтобы я не хочу, просто как-то не по состоянию сейчас...

– Да брось. Давай там не торопись тогда. Созвонюсь с пацанами, девчат заберём да заеду за тобой. К четырём будь готов.

Не собрав в себе сил, чтобы озвучить достаточно внятную аргументацию отказу, я, сам того не заметив, выразил, следуя реакции Алексея, своё согласие...

– Рад, что ты поедешь. Давай, до встречи.

Лилька, к радости, не сбежала. А мило улыбнулась мне в тот самый момент, когда я к ней повернулся. Отсутствие непонятно когда смытого с её лица макияжа, придавало её взгляду слегка жалобный вид, что вызывало во мне умиление. Я готов был уже сам приобнять Лилу,

но неожиданно замер в тот момент, когда её губы прикоснулись ко мне. Неловкость ситуации, пойманная мной с единовременным осознанием некоторого прилива сил, почему-то заставила меня задуматься. Странное чувство. Много раз ловил себя на мысли, что своё истинное отношение к женщине начинаешь понимать в тот момент, когда она делает первый шаг. Интерес к женщине прогрессивно растёт, когда она умело удерживает тебя на дистанции и настигает своего пика, когда, преодолев все выставленные ей препятствия, ты приближаешься к моменту близости, к которому так стремительно шёл. Но совсем другое чувство, когда в момент личной внутренней неопределённости ты принимаешь первый шаг именно с её стороны. Если твои чувства искренне, тогда её признательность усиливает твою мотивацию, и в ваших отношениях появляется некое тепло, а если искренность отсутствует, то в этот момент, как правило, ты это и обнаружишь. И дальше решение за тобой – воспользоваться или отказаться. Лилей я решил воспользоваться. Теперь я проснулся окончательно.

Следом за моим телом проснулось чувство голода. Увидев, что Лиля снова задремала, я решил не упустить эту возможность и попытаться организовать сеанс благодарного завтрака. Придя на кухню и сразу осознав, что искусных кулинарных решений в её стенах мне от себя ждать не стоит, я направился в коридор, где на полке стоящего на входе шкафчика с сувенирами и всякими обувными аксессуарами я на днях оставлял какие-то презентационные буклеты доставки итальянской кухни. Иллюстрации буклета были примитивны, но голод уже достаточно наладил связь с моим мозгом, так что образы желаемых к приёму блюд рождались без визуального их выражения. Мясная лазанья, фузилли с креветками в лимонно-сырном соусе и фруктовый десерт встретили Лилю в момент её пробуждения. Плотно поев и приведя себя в должный порядок, я решил позвонить пацанам. Особо добавил мне настроения разговор с Борей, который порадовал меня воспоминаниями наиболее ярких вчерашних историй. Пытаясь понять, как так удачно Борьке далась роль видеокамеры со столь большим объёмом памяти и необычайно чётким отображением деталей, я вдруг вспомнил, что Борька то вчера не пил. По поводу того, что именно Боря повезёт нас на базу, мы с ним друг друга поняли быстро. Вспомнив столь приятный для меня своей неожиданностью звонок Алексея, я всё же решил не дожидаться четырёх часов, до которых, к слову, уже не так много времени и осталось, а проявить в его сторону акт признательности и набрать его сам. Планы не поменялись. Слегка расстроил лишь упитанный тотальной ленью отказ Олега. До Рамы дозвониться не удалось, но подсознательно я всё же рассчитывал его увидеть на месте, вспоминая, что с Алексеем познакомил нас вчера именно он. Зато болтливая, но, признаюсь, достаточно интересная Олеська снова оказалась вместе с Борей.

База отдыха «Дивный бор», находящаяся в ста с лишним километрах от города, оказалась благодаря пусть и уверенному, но несколько шальному водительскому перформансу Борьки перед нами спустя уже минут сорок. Ожидающую нас компанию от других, кстати, достаточно приличных отдыхающих зрелых лет, отличала взрывная музыка и приглушенные ей, но, без сомнений, не многим более тихие разговоры парней, сопровождаемые лишь секундными звонами непонятно откуда оказавшихся на природе бокалов и заразительными танцами разгорячённых созданной энергетикой ярких девушек. Среди большой незнакомой нам толпы удалось разглядеть Алексея, который, бегло нас заметив, без замедления направился нам на встречу.

– Макс, Борька, привет. Как доехали?

– Отлично. Сам давно здесь?

– Только привезли пацаны. Дома не ел толком, а здесь мясо шикарное брат пожарил – наелся. Угоститесь?

– Да, Алексей, с удовольствием.

Посреди небольшой, но дивной полянки в паре десятков метров от ближайшего домика, ограждённой различными лавочками из деревянных брусков, находились два мангала, огромный продольный стол, заполненный различными нарезками фруктов и овощей, и накрытые

серебряные блюда с печеным картофелем и куриными крыльями. Пока наш взгляд знакомил желудок с открывшимися ему соблазнами, к нам подошёл какой-то уставший с виду парень кавказской внешности и любезно преподнёс прекрасный свиной шашлык прямо на шампурах.

– Угощайтесь, друзья. Только с мангала снял.

Восхитившись столь приятным приёмом и поблагодарив мясного кудесника, мы скромно сели за стол, чтобы отведать шашлык. Столь шумная с виду компания оказалась вполне позитивным коллективом. Лёгкий октябрьский мороз как-то не давал нам долго засиживаться на одном месте, и мы решили пройтись до номера, чтобы закинуть вещи. Комнаты в одном из снятых домиков, который забронировал для нас Алексей, оказались вполне респектабельными и уютными. Оставив вещи и слегка утепившись, мы не стали терять время и скорее направились к столь приятно встретившей нас компании. Следующим в новом коллективе, кого мне довелось узнать, оказался Марат – высокий статный парень, подошедший к столу в момент, когда мы собрались отметить наш приезд первой стопочкой. Марат, говорящий почему-то необычайно тихо, рассказывал мне долго про автомобиль, угнанный у него на днях в светлое время суток в те сорок минут, которые он обедал в ресторане. Не знаю, какие принадлежности были в арсенале у угонщиков десять лет тому назад, но я был поражён, узнав, что нынче для взлома сигнализации достаточно лишь специального устройства, которое, дистанционно настраиваясь каким-то образом на определённую её частоту, способно одной кнопкой отомкнуть все двери твоего авто. А без машины оказаться ох как грустновато, – подумал я, осознавая параллельно, что Марату удалось всё же вывезти меня из состояния гипнотического позитива, в котором я находился первый час пребывания на базе. Отвлёк меня от неприятных мыслей лишь взгляд на Лилю, которая уже, вероятно, успела перезнакомиться с большей частью местной компании. Лилька с подругами довольно заразительно пританцовывали, неспешно выпивая какой-то красный коктейль на основе Мартини.

День пролетел незаметно, и стало ощутимо холодать. Осознав это, все начали постепенно перебираться в холл ближайшего к поляне домика. Оказавшись уже в домике, я понял, что наши апартаменты были заметно изысканней, за что, безусловно, спасибо Алексею. Но столь удачно разместивший всю большую компанию холл, надо признать, впечатлил. Контраст уличного зноя и домашнего тепла наряду с хмельным дурманом спустя некоторое время слегка стал клонить меня в сон. Признав это и увидев на своих Tissot третий час ночи, я решил, что время моего покоя после прекрасного активно проведённого дня пришло и направился в номер. Сон пришёл быстро.

II

Яркий луч света настольной лампы, которую я не потрудились выключить перед сном, дерзко просочился сквозь веки. Открыв глаза, я увидела кучу беспорядочно разбросанных на столе листов бумаги, севший ноутбук и тарелку с мандаринами, очевидно так и не опробованными мной. «Блин, когда я уже закончу эту дипломную работу?» – мысль, которая первой сформировалась в моём неясном от сонливости сознании. Поднявшись с дивана, я умело навела неожиданно ставший мне необходимым порядок на столе, расстелила постель и, несколько заторможено выпив стакан воды, снова легла спать.

07-00. Будильник прозвенел сегодня особенно неубедительно. По крайней мере, мелодия его первые несколько секунд казалась песней, игравшей в шикарном прибрежном ресторане, в котором я оказалась в своём последнем сновидении. Гораздо легче становится что-либо требовать от себя, когда первая победа над собственной слабостью уже достигнута. Сегодня моей первой победой было окончательное столь нелёгкое пробуждение. Говорят, что в момент пробуждения больного человека с ним просыпается его боль, в момент пробуждения должника просыпаются его долги. Когда просыпаюсь я, со мной непременно просыпается чувство отставания от всего интернет-сообщества, поэтому первый утренний инстинкт для меня оборачивается десятью-пятнадцатью минутами, проведёнными в соцсетях. Всегда посмеивалась над этой своей привычкой, считая её признаком простоты, но до сих пор так и не утвердила для себя веской причины с ней бороться.

– Боже, откуда у него столько упёртости?! – подумала я про Руслана, прочитав в личных сообщениях его очередное признание в бесконечной любви мне, которое в моём сознании казалось больше признанием им его собственной тупости. Вот сказал же один «гений» в своё время, что женское «нет» – это временно сдержанное «да» и породил своим нелепым афоризмом целое поколение приматов, которых в обратном теперь и не переубедишь. Упёртость вообще порой у некоторых тонко граничит с тупостью. Может поэтому многие успешные ребята-спортсмены, которые мне попадались, как раз интеллектом и не блистали. Направь было Русланчик свою упёртость в нужное русло, глядишь и вышел из него какой-нибудь боец или атлет. Тем более что мускулатура у него, надо заметить, весьма впечатляющая.

Два километра за тридцать минут, пятьдесят пять минут до работы вместо привычных сорока-пятидесяти – пробка на Лужской с каждым днём становится всё менее предсказуемой. И всё это при полном отсутствии аварий. Благо последний десяток километров удалось преодолеть без длительных задержек, что прибавило мне некоего задора. Любимый офис встретил меня не выключенным с вечера и изрядно убившим всё живое в воздухе обогревателем. Вычислить виновника особого труда не составило, так как в офисе в среду было только три человека, из которых с обеда оставались только я и Галя. Галка, как бывший криминалист, человек с феноменальной внимательностью к деталям, который может заметить и увязать в логическую цепочку такую связь, которую даже сам преступник выстраивал в своих действиях неосознанно. Тот факт, что Галка живёт в несколько другом измерении, мне понятен давно, поэтому я в своё время перестала вообще оценивать её поступки по прямой последовательности мотивов. Заходя как всегда первой в офис, я терпеливо и с некоторой улыбкой молча выключаю обогреватель, тепла от которого порой хватает до обеда, а с вечера предусмотрительно стараюсь оставлять маленькую створку в окне. Зато к чаю у меня утром всегда имеется какая-нибудь шоколадка или вафельные трубочки, которые Галка мне оправдательно преподносит, когда принимает от меня очередную игривую насмешку в адрес её бытовой предсказуемости. Если мне и приходится с десяток минут проводить сеанс финской сауны, то Андрей Петрович является в кабинет уже на предельно сбалансированный кондиционером комфортный уровень офисного климата.

Андрей Петрович Вернер – главный специалист, бескомпромиссно заслуженный доктор юридических наук, наставник и по совместительству генеральный директор нашей небольшой, но весьма авторитетной за счёт его персоны фирмы. Мне попадались несколько знакомых юристов, которые бросали карьеру, осознав масштабы коррумпированности юридического мира нашей страны, но человек, который возглавляет нашу фирму – это магистр своего дела, способный сочетанием своей конструктивности, некоторой неординарности в выборе идейных подходов и ораторской мощи вдохновлять не только своих сотрудников, но и любого верующего в силу права человека твёрдо держать свою линию. Упёртость? Нет... План из множества альтернативных решений, представляющий в совокупности чёткую выигрышную на результате схему с подстройкой под возможные обстоятельства. Вспоминая Руслана, как раз гибкости и некой подстройки под безрезультативность выбранной им тактики с использованием его вдохновенных признаний исключительно в интернет-сообщениях, ему и не хватает. Хотя парень Русланчик весьма интересный. Что говорить, всё со временем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.